

В. ВОИНИЧЕВСКИЙ

БОЛЬШАЯ
БАРЫНЯ

Василий Александрович Вонлярлярский

Турист (Рассказы)

Василий Александрович Вонлярлярский (1814–1852) – популярный русский прозаик середины XIX века.

Зарубежные впечатления писателя лежат в основе рассказа «Турист».

Впервые рассказ был опубликован в 1852 году в журнале «Отечественные записки» (№ 2).

Содержание

#1	0005
ПРИМЕЧАНИЯ0059

Василий Вонлярлярский Турист

Приехать в Рим и не сделаться артистом так же трудно молодому русскому путешественнику, как, бывало, в старые годы трудно французу, приехавшему в Москву, не сделаться учителем или по крайней мере виконтом. По прибытии в Рим русский путешественник приобретает краски, палитру, кисти, белую войлочную шляпу с широкими полями и на дверях своей квартиры наклеивает бумажку с лаконической надписью: «Pittore Russo».[1] На другой же день преобразования, часу в девятом утра, у двери его непременно раздастся звонок, и на вопрос артиста-самозванца: «Кто там?» – женский голос ответит: «Una modella, signor»,[2] и артист с улыбкою отопрет дверь, и чрез пять минут копия модели начнет принимать на холсте вид бог знает чего. Заметьте притом, что русские путешественники, поступая на артистическое поприще и не имея ни малейшего понятия о рисовании, предпочитают преимущественно исторический род, то есть самый трудный из всех родов живописи.

Находясь а Риме, я, правда, был не совсем молодым человеком, но все-таки в качестве

русского путешественника не отстал от соотечественников и, на третий день по прибытии своем в вечный город, возвращался уже на квартиру свою с большим запасом гипсовых голов, рук, ног, и пр. и пр., добытых мною за весьма сходную цену в какой-то лавочке, но вдруг... о несчастье! на углу Корсо и Лаурино огромная черная собака попала с разбега под ноги итальянцам, несшим гипсовый запас мой, и все собрание форм разбилось вдребезги! Я был в отчаянии. Хозяин собаки, человек средних лет с белокурою бородкою и одетый очень пестро, извинился передо мною на чистом французском наречии, попросил снабдить его моим адресом и обещался доставить точно такое же количество вещей, какого лишила меня собака.

Я взглянул на пестрого господина, призвал на помощь свои воспоминания, которые удостоверяли меня, что лицо его когда-то и где-то мне встречалось; моя наружность, по-видимому, произвела на него то же действие, и почти в одно время мы назвали друг друга по имени.

– Какими судьбами вы здесь? – воскликнул

он, – и как я рад...

– Очень просто, cher monsieur David.[3]

– Не David, а Crosel к услугам вашим, – заметил француз.

– Давно ли?

– С тех пор, как соотечественник ваш, у которого я, помните, учил детей латыни, вследствие небольшого недоразумения сказал мне: «Monsieur David, faites graisser lesroues de vorte voiture et filez...»[4]

– А в чем состояло маленькое недоразумение?

– В том, что латынь, мною преподаваемая, показалась более похожа на марсельский patois,[5] чем на настоящую латынь! Я и сам постичь не могу, как мог я так ошибиться; но как бы то ни было, имя Давида потеряло весь кредит в губернии; а имея в запасе другое имя, я предпочел называться им.

– И прекрасно сделали.

– Как же не хорошо, сами посудите! Mr. Crosel значило – новый француз, только что выпущенный первым из Политехнической школы, следовательно, обладающий бездною учености; и в Ecaterinoslavl такое сокровище

e'est trois tzelkovy le cachet...[6]

– И посчастливилось вам в Екатеринославле?

– Да, покуда не прибыл какой-то inspecteur des hautes isoles...[7] Но в сторону эти мелочи! Встретить вас для меня такая радость, такое счастье... Надолго ли вы здесь?

– Не знаю.

– А на что вам вся эта дрянь?

– Гипсовые формы?

– Ну да.

– Я занимаюсь скульптурой.

– Право?

– Не шутя.

...– Ну, так завтра же я пришлю вам целого человека.

– От души благодарю.

– Человека с ногами, головою и такими шишками на голове, каких вы, конечно, не встречали никогда... по системе Галля, прелесть что за череп!

– Гризель... так, кажется?...

– Не Гризель, а Крозель.

– Да, Крозель. Вы тот же, что были?

– О нет, далеко не тот! – со вздохом отвечал

француз, – сколько несчастий перенес, сколько неудач!..

– Вы расскажете мне их?

– Разумеется.

– И я попохохочу?

– Вдоволь, ручаюсь! Но мне недосуг; дайте адрес, и до свиданья.

– Куда же вы?

– Догонять милорда.

– Какого милорда?

– Того самого, форму которого пришлю вам. Он не изящен, предупреждаю; но череп чудо, просто чудо! – С этим словом Крозель пожал мне руку, дал слово непременно быть у меня завтра и, позвав собаку свою, пустился бегом вдоль Корсо.

«Что за шут!» – подумал я и, не имея ни малейшего желания приобрести обещанные формы, я уговорил своих итальянцев возвратиться со мною в лавочку. По прошествии часа с новым запасом достиг я благополучно квартиры и провел весь вечер в приятнейшем *far niente*, [8] то есть лежа на диване с кистью винограда в одной руке и сигарою в другой.

С наступлением ночи весь артистический Рим переносится обыкновенно на Монте-Пиннчи и виллу Боргезе. С Монте-Пиннчи вид очарователен: весь город со всеми окрестностями как бы нарисован на золоте; а как хорош Колизей, как велик храм Петра! и даже мутный Тибр принимает перламутровый цвет, когда смотришь на него с высоты. А дворец Монте-Кавалло, а колонна Адриана и вся древняя часть города!.. Но кто же не восхищался этим громадным свидетелем былого величия, этою гробницею древних квиритов?

В час пополуночи город, по обыкновению, опустел, и я, по обыкновению же, возвращался с прогулки, толчком ноги приводил в чувства слугу своего Доминика, который, по своему обыкновению, бросался спросонья на первый попавшийся ему предмет и хватался за что ни попало. Нередко, бросаясь на столы, Доминик опрокидывал стоявшую на них посуду или другие вещи, и тогда в честь сонного итальянца я высыпал все итальянские бранные фразы, какие только знал. *Signer Dominico* поставлял себе в обязанность поправлять ошибки, если таковые оказывались

в моей речи, и тем оканчивались все незабвенные дни, проведенные мною в Риме.

На следующее утро два фактора внесли в студию мою такое диво, какого действительно не вмещал ни один кабинет редкостей. Француз сдержал слово и отформировал для меня человеческий остов с головою, ногами, носом и прочими частями; но откуда добыл Крозель подобный образец несовершенств – вот вопрос, который я обещал себе разрешить и разрешить немедленно.

Крозель не мог не знать, что в два часа пополудни на Испанской площади в Сафй де l'Еуро[9] выставляют для приманки посетителей превкусные пирожки с неопределенным фаршем; а знать, что подобные пирожки существуют, и не есть их – невозможно. И действительно, входя в два часа в Сафй де l'Еуро, я застал француза с пирогом во рту.

– Скажите, пожалуйста, кому я обязан теми вещами, которые прислали вы мне сегодня утром? – спросил я у Крозеля.

– То есть гипсовыми оттисками?

– Ну да.

– Во-первых, мне, потом милорду, – пресе-

рьезно отвечал француз.

– Да что это за милорд? скажите ради бога.

– Его отрекомендовал мне один из приятелей моих в Висбадене. Ему, то есть приятелю, посчастливилось выиграть в рулетку пятьдесят тысяч франков. Человек он одинокий – довольно с него пока; а если есть деньги, кому же охота возиться с милордом

– Все-таки не понимаю

– Да длинная история; расскажу, пожалуй, на досуге.

– Почему же не сейчас?

– Неловко.

– Пойдем ко мне.

– Нельзя.

– Знаете ли что, Крозель? Вы более нравились мне преподавателем марсельского ratois, чем компаньоном вашего милорда.

– Но ведь неудачи и несчастья страх как действуют на натуру человека.

– А я, напротив того, думаю, что слишком большие удачи делают людей менее любезными.

– Во всяком случае, не в отношении к вам, – сказал Крозель, улыбаясь, – а в доказа-

тельство назначьте день, час, минуту, пожалуйста, и не будь я Крозель, если не явлюсь к вам.

– Пойдите! Я предпочел бы другого рода клятву, а то, чего доброго, вы переименуете и в третий раз собственное имя и все-таки не явитесь!

– Ну, ну... не будь я честный... или нет, этого мало, пусть лишусь моего милорда... достаточно ли вам?

– Вот так чуть ли не лучше будет.

Мы, смеясь, пожали друг другу руки, отложили свидание до следующего вечера у меня на квартире и расстались друзьями.

Не только история милорда, но и самые неудачи Крозеля очень интересовали меня, и потому я с большим нетерпением ожидал назначенного свидания.

На следующее утро пробуждение мое было не совсем приятно: на дворе был нестерпимый жар, а в комнате сидел некто вроде уездного антиквара – оба утомили меня донельзя. Русский любитель древностей являлся ко мне только что не с восходом солнца и, разумеется, за делом: он показывал добытые им

драгоценности и такие, которые я, может быть, а Доминик – непременно, выбросил бы за окно.

– Не разбудил ли я вас? – повторял обыкновенно двадцать раз антикварий, пока наконец совершенно пробужденный, я не отвечал ему: «нет». В это утро знакомый вопрос явно и ответственно долетел до моего слуха, и обычное «нет» завязало разговор.

– А я уж часов шесть как на ногах, – продолжал он. – А сколько обегал!

– Право?

– Прямо с Монте-Мария.

– Гм!

– И не без добычи.

– Что ж приобрели?

– Вещицу...

– Редкую?

– Веков двадцать назад не была редкостью, правда; зато теперь...

– Покажите.

– За тем и пришел.

Иван Петрович Сочин (так звали антиквария) вынул из шляпы фуляр, из фуляра сверток бумаги, а из бумаги заржавелую медную

лампу с носиком.

– Ба, знакомая!

– По описаниям как не быть знакомой? Например, в «Собрании Древностей»... есть оно у вас?

– Нет.

– Купите; занимательная книга с печатными изображениями, отчетливо...

– Случится, куплю; а что дали за эту лампочку?

– Отгадайте.

– Не знаю.

– Ну, примерно?

– Право, не знаю, что она стоит здесь.

– Два пиастра; дорого?

– В окрестностях Неаполя дешевле.

– Где же это в окрестностях Неаполя?

– В Пуцоло, например.

– Стало, находят и там.

– Зачем находить? Там их делают.

– Что делают?

– Всякого рода древности, и за такую лампу дайте карлино – отдадут с радостью.

– Ну, уж извините, чтоб эта была сделана, не поверю.

- Как хотите.
- Сейчас видно, что древность и что свежая вещь; этим проведут ребенка разве!
- Или антиквария.
- Я не антикварий.
- Так любитель антиков.
- Что ж из этого?
- Только то, что ручаюсь чем угодно за юность большей части добытых вами древностей.
- Вы проиграете.
- Не думаю.
- Да уж я вам говорю, проиграете.
- Все-таки не думаю.
- Ну, ну, какое пари?
- С моей стороны, две, а хотите, три дюжины точно таких ламп, как эта, и по экземпляру всех медалей, купленных вами здесь.
- Ведь только жаль вас, а то бы...
- Не жалейте, пожалуйста.
- Я честный человек, извольте видеть, и таких пари не держу...
- Напрасно.
- Напрасно? А где бы, например, взяли вы дубликаты медалей?

– Хотите знать?

– Хотел бы.

– Ничего нет легче, – отвечал я с уверенностью, которая заметно смутила Ивана Петровича, – но если Доминик чрез час принесет медали, уступите ли вы лучшую вещь из вашей коллекции?

– Сребренник?

– О, нет!

– Так окаменелый глаз кита?

– И не глаз кита.

– Что ж?

– Фунт Жуковского табаку.

Едва я произнес свое скромное требование, как антикварий схватил шляпу, трость и выбежал из комнаты, не удостоив меня ни одним словом. Иван Петрович был очень разгневан еще более потому, что, казалось, в сердце его запала искра сомнения.

По уходе его я вздохнул свободнее. Будь он истинный любитель древностей, конечно, я не позволил бы себе разочаровывать его и охотно набавил бы лет хоть по тысяче на каждый добытый им антик.

Он ушел, а я стал лепить из глины бюст До-

миника. К обеденному часу вместо бюста вышел вздор, и, возвратив глине первобытный вид ее, я пообедал наскоро, наелся винограду и лег отдохнуть в ожидании Крозеля. В семь часов Крозель явился.

– Какова аккуратность? – воскликнул он. – Я обещался быть в семь; взгляните: семь без пяти минут; эти пять минут я хотел было простоять на лестнице. Есть сигара?...

– Есть все, что угодно, – отвечал я, усаживая Крозеля на кушетку и пододвигая к нему несколько сигарных ящичков.

– Чем же мне выкупить такое роскошное угощенье?

– Разумеется, рассказом.

– Про милорда?

– И прежде всего про себя.

– А вы станете смеяться?

– Только над серьезными несчастиями.

– Жестокосердный!

– Как быть!

– Суди же вас небо! Делать нечего: обещал – надо выполнить.

– Надеюсь!

– С чего ж начать?

- Говорю, с вас самих.
- Неужели с самого начала?
- С минуты рождения.
- Будь по-вашему, – сказал Крозель.

Он перевел дух; я пододвинул кресло к кушетке и приготовился слушать.

– Отец мой, – начал француз, – родом из Дижона и журналист, по свойствам сердца страстный любитель прекрасного пола, женился в молодости на дочери суконного фабриканта. На двадцать втором году от рождения я лишился отца и наследовал право издавать отцовский журнал, и первая статья, сочиненная мною с большими усилиями, не имела, как говорили, здравого смысла: ее осмеяли завистливые сотоварищи, и из двух тысяч подписчиков осталось к концу года только четверо – очень немного! Я предпочел драматическое поприще и написал в бенефис претрөгательную пьесу. Я сидел в оркестре, и в начале пьесы зрители смотрели на меня с любопытством, в середине – пьесу освистали, а в конце увенчали голову мою не лаврами, а печеными яблоками и выгнали вон. Оставался в ресурсе – латинский язык.

– То есть марсельский *patois*, – перебил я, смеясь от всего сердца.

– Как бы то ни было, – продолжал француз, – а не встретиться со мною *l'inspecteur des hautes écoles!*..

– Вся новая генерация Екатеринославля говорила бы и поднесь марсельским наречием.

– Не думаю; ученики попадались претупые... Впрочем, это дело не мое; а все-таки возвратился я не с пустыми руками в Париж; и не проживи я собранных в России пяти тысяч франков...

– Следовательно, вы их прожили?

– Я прожил их и дал себе честное слово застрелиться, если не найду средств жить прилично.

– Нашли ли ж вы это средство?

– Нет, – отвечал Крозель.

– А честное слово?

– То есть лишить себя жизни?

– Да.

– Я расчел впоследствии, что человек с умом умереть с голоду не может, и решился ждать. Благоразумное решение мое, как видите, не осталось безуспешным; и как ни скучно

возиться с полоумным милордом, а все-таки двенадцать тысяч франков не валяются на улице.

– Стало быть, милорд ваш...

– Отчасти сумасшедший.

– А пункт помешательства?

– Недоступен уму тех, которые не знают истории милорда. Он путешествует по целому миру... как вы думаете, для чего? – спросил Крозель.

– Мудрено отгадать.

– Да, нелегко, ручаюсь.

– А с какою целью путешествует милорд?

– С целью позабыть бесшерстную обезьяну!

– Что за вздор?

– Честное слово!

– И вы до сей минуты не рассказали мне историю милорда, Крозель!

– Не рассказал и не расскажу сегодня, потому что должен немедленно возвратиться к должности.

– Из чего ж состоит она, эта должность? Неужели неотлучно быть при англичанине?

– А вы думаете, что двенадцать тысяч

франков даются мне только потому, что мне нечем жить: когда бы так! Нет, не угодно ли читать ему в каждом городе и ежедневно лист приехавших и отъехавших, играть в шахматы по целым вечерам и пробуждаться среди ночи, если милорду не спится.

– Жаль мне вас, любезный Крозель, а все-таки подавайте историю.

– Долго будет: боюсь опоздать.

– Ну, делать нечего, а завтра в семь часов прошу непременно пожаловать.

– До девяти я всегда свободен и ваш слуга.

В эту минуту в дверях показалась черная собака, которая с лаем радости бросилась на Крозеля.

– Откуда у вас этот пес? – спросил я.

– О, презанимательная история, – отвечал француз. – Он родился от презлобных родителей, проживавших некогда в одном из замков Саксонии. Некто барон Христиан Нордзон получил от отца своего в наследство семью моей собаки и употребил целые два года на воспитание юного пса, которого выучил, во-первых, брать волка прямо за горло, а во-вторых, нырять в совершенстве. Цель изучения второ-

го искусства была чисто филантропическая. Барон заказал куклу в рост человека с предлинными волосами; посредством бечевки, один конец которой прицеплен был к середине куклы, а другой пропущен сквозь кольцо, утвержденное на дне глубокого пруда, барон произвольно заставлял нырять куклу, а собака в свою очередь ныряла за куклой, хваталась за ее волосы и вытаскивала на берег. Смотря на точное исполнение своих приказаний, барон приходил в восторг. В прошедшую весну он занемог. Врачи предписали морские ванны и отправили его в Гавр. Находясь уже в этом городе, раз поутру больной барон отправился на берег моря; собака последовала за ним; барон разделся и бросился в воду; собака, не любившая купаться без цели, осталась пока на берегу; но барону вздумалось нырять: он поднял руки вверх и погрузился в глубину; пес, следя за движениями своего господина, махнул хвостом, взвизгнул и присел поближе к воде; барон, вынырнув на минуту, снова поднял руки и снова погрузился на дно; на этот раз сметливое животное не удовольствовалось ролею простого зрителя и стремглав

бросилось за бароном; но, не отыскав длинных волос, украшавших голову куклы (барон стригся коротко), схватило барона за самое горло и, описав с ним большой круг, вытащило его на берег. В продолжение десяти минут заметно было у обоих одно только движение, а именно: движение хвоста животного. Нужно ли прибавлять, что услугу, оказанную собакой, барон мог оценить уже не в здешнем мире... Барона похоронили со всевозможною пышностью, а черный пес достался мне. Находясь в то время в Гавре, я купил его за бесценок, то есть почти даром. Когда же иду купаться, то, конечно, собаки не беру с собою, – прибавил Крозель. – Рассудите беспристрастно, и вы невольно согласитесь, что в смерти своей виноват сам барон: что стоило ему предварительно велеть обстричь куклу а la malcontent,[10] а потом уже приучать собаку хватать ее, пожалуй, хоть за нос, лишь бы не за горло?

Окончив назидательное замечание свое о дурных распоряжениях несчастного барона, Крозель повторил обещание явиться завтра и собрался идти.

– Но куда вы так спешите? – спросил я у француза.

– Опять-таки к нему.

– К кому?

– К милорду: он обещал не выходить из Лаурино до девяти часов, а теперь без двух минут – опоздаю!

– И вы уверены, что найдете его еще на этой улице?

– Желаете удостовериться в том, что найду непременно? – спросил Крозель.

– Очень желал бы.

– Так пойдёмте со мною.

Я согласился и последовал за французом, который пустился бегом по лестнице. Дорогою я предупредил Крозеля, что сумасшедших не люблю, и если его англичанин принадлежит к этому числу, то предпочитаю возвратиться домой.

– О нет! – отвечал Крозель, – не упоминайте только о голой обезьяне и не хвалите французов – вот два пункта, до которых не нужно касаться в его присутствии; о всем же прочем говорите сколько угодно, и будьте уверены, что милорд не ответит ни слова.

– Как весело!

– Для вас, может быть, нет; но так как я таскаюсь с ним целые десять лет... Но вот они, – воскликнул Крозель, – видите...

В это время из-за угла переулка, пересекающего улицу Лаурино, показалась длинная-предлинная фигура милорда; огромные ступни сухих ног его, вывороченных в середине, как бы переплетались на ходу, а руки, привязанные к узким плечам, схватившись одна за другую, висели на согнутой спине. На милорде была коротенькая клетчатая жакетка, желтые панталоны, такой же галстух и соломенная белая фуражка, надетая на самый затылок, так что темя было почти обнажено.

– Вы представите меня англичанину? – спросил я вполголоса Крозеля.

– Зачем?

– Все-таки!

– По мне, пожалуй; но ведь это ни к чему не ведет, он говорить не станет.

С этим словом Крозель, загородив дорогу милорду, назвал меня по имени... Англичанин снял фуражку. Я почел долгом сказать ему что-то очень любезное; милорд, не пере-

меня положения, стоял как вкопанный; я прибавил к сказанной фразе еще несколько слов – милорд молчал и все-таки не двигался.

– Да что же он молчит? – спросил я, обращаясь к Крозелю.

– Это еще очень хорошо, потому что нередко милорд во время самого разговора с посторонним лицом продолжает идти прямо на него; а вы, верно, ему понравились, – отвечал Крозель.

И действительно, едва последнее слово француза долетело до моего Слуха, как милорд закинул руки за спину и выступил прямо на меня; но, не ожидая второго шага, я отскочил в сторону и, простясь с Крозелем, возвратился домой.

На квартире ожидало меня приглашение одного из наших художников – пожаловать к нему немедленно, если только желаю видеть преинтересные вещи. «Как не желать!» – подумал я и тотчас же отправился к артисту. Он жил в двух шагах от Капитолия в доме, принадлежавшем какому-то духовному лицу. У артиста нашел я огромное сборище разнохарактерных лиц его собратий: все они суети-

лись около корзин, расставленных у стен обширной студии, вытаскивая из них прегрязную ветошь, внимательно рассматривали ее и потом раскладывали на стол, стулья и даже на пол. Другие разрезывали на части сырые артишоки, третьи отбирали деревянное оружие, подкрашивали его, обклеивали, золотой и серебряной бумагой и переходили от оружия к куче мишурных, почерневших кистей и прочего.

– Что это вы делаете, господа? – воскликнул я, входя в студию.

– И вы не догадываетесь? – спросил хозяин, выходя ко мне навстречу.

– По совести, нет.

– Да ведь завтра наш праздник!

– Как, чирварский?

– Ну да, и чрез полчаса начнется всеобщее примеривание костюмов, а вас мы избираем судьей... хотите ли?

– Не только хочу, но даю слово быть самым беспристрастным.

– Заметьте, однако ж, что безобразие и безвкусице должно брать верх над щегольством, и на этом обстоятельстве основываю я всю

свою надежду заслужить полное одобрение ваше, – сказал хозяин студии, пододвигая ко мне корзину, – вот мой костюм! не угодно ли взглянуть?

– Сделайте одолжение, покажите.

Артист вытащил из корзины гигантскую шляпу из сахарной бумаги с красным пером; за головным убором последовал плащ, сшитый из рогожки, потом явились широкие плисовые шаровары и белые картонные сапоги и проч.

– Ну, каков нарядец? – спросил артист с самодовольною улыбкой.

– С виду гаже быть ничего не может, – отвечал я, – но прочих не видал и потому не могу определить, какому принадлежит первенство.

– Прочие хуже во сто крат, ручаюсь головою.

– Посмотрим.

– Да вот, хоть бы его, – продолжал артист, показывая на прекрасного итальянца с римским носом, – представьте себе полный костюм Рубенса, и стоит он ему предорого – смешная претензия!

Итальянец, догадавшийся, вероятно, что речь шла о нем, улыбнулся, бросив на соотечественника моего гордый взгляд, на который последний отвечал презрительною гримасой.

– Улыбайся, приятель, – продолжал хозяин, – а вот мы увидим, какую ты скорчишь рожу на празднике!

Замечание артиста возбудило всеобщий одобрительный хохот, а красивый итальянец с беспокойством оглянулся во все стороны и спросил у одного из художников, над кем смеется все общество.

– Пер востра, синьор Рубенс, пер костуме мольто бене,[11] – отвечал русский, дополняя знаками объяснение своей итальянской фразы, – и новый хохот совершенно смутил бедного итальянца, который, покраснев от негодования, отошел в угол и вскоре вовсе скрылся из студии.

Чрез полчаса все артисты облачились в маскарадные костюмы свои и составили такую пеструю группу, какой, конечно, не встречал никто на самом затейливом бале большой парижской оперы. Чего тут не было!

Но все же пальма первенства досталась хозяину.

Осушив аршинную бутылку кислого красного вина, артисты стали расходиться, а я, забежав в Cafe de l'Europe, оставил в нем к Крозелю записку, в которой просил его отсрочить свидание наше до послезавтра, возвратился домой и лег спать.

Быть в Риме и не быть на чирварском празднике, о котором я еще имел самое смутное понятие, казалось мне непростительным.

Чирварским праздником обязан Рим немецким артистам, устроившим его некогда в день расставания своего с этим городом. В прежние времена в пещерах чирварских собиралось все общество римских художников и за общим столом, прощаясь друг с другом, обменивалось в знак памяти различными предметами. Впоследствии прощальные собрания артистов приняли вид маскарадов.

Подробности чирварского праздника были неоднократно описаны как в журналах, так и в путевых записках; я не имею ни малейшего намерения повторять эти описания... Этот праздник, как известно, заключается предуп-

ным обедом и преотвратительным вином, которое многие артисты как бы по обязанности глотают со страшными гримасами. И когда подумаешь, что все это делается людьми далеко не молодыми, далеко не глупыми и большею частью солидными немцами, то невольно пожмешь плечами и, конечно, в другой раз не поедешь более на знаменитый чирварский праздник.

На следующий после праздника вечер с седьмым ударом часового молотка дверь в мою прихожую отворилась, и явился француз.

– Вы аккуратны, Крозель! – воскликнул я, протягивая ему руку.

– А что? разве я некстати пришел?

– Напротив, уж пять минут, как я жду вас с нетерпением.

– Тем лучше, – отвечал Крозель, – потому что завтра мы отправимся в Ниццу.

– Так скоро?

– Что делать! И знаете отчего?

– Нет.

– Милорду кажется, что он может целые три минуты не думать о голой обезьяне.

– Послушайте, Крозель; или вы поклялись заставить меня умереть от любопытства, пли...

– Или, – перебил Крозель, – излечить вас радикально от этой болезни рассказом самой глупейшей истории, какой, конечно, не удалось вам ни слышать, ни читать.

– Если глупа, извиняю вперед.

– А если извиняете, дайте сигару и слушайте.

– Итак...

«Итак (повторил Крозель) отец милорда, лорд В. на старости лет женился на премолоденькой француженке и сверх того на парижанке *pur sang*, [12] которая по прошествии десяти месяцев родила сына, то есть нашего милорда. Радость, возбужденная рождением наследника, побудила родителя съесть двойную против обыкновенного порцию плумпуддинга и выпить вместо восьми бутылок портера шестнадцать. Час спустя из родительских жил не могли добыть ни одной капли крови, и одна половина членов консилиума заключила, что удар был причинен плумпуддингом, а другая половина приписывала

смертный случай портеру. Как бы то ни было, но посиневшего В. уложили сперва на стол, потом в погреб; а супруга его, поплакав столько, сколько требовало того приличие, решилась посвятить всю свою жизнь новорожденному. Но судьба решила иначе: к богатой леди подвернулся миловидный маркиз; а так как новорожденный не обещал ей ничего хорошего, то по прошествии семи лет леди пристально посмотрела на узкий нос милорда-сына, на тонкие губы его, на плоский лоб, на бесконечно длинные ноги, потом на маркиза, постоянно домогавшегося ее руки, и, подумав с полминуты, решилась возвратиться в Париж и сделаться маркизою. Милорд остался в Лондоне.

Через три года у маркизы родился другой сын. Милорд же, достигнув совершеннолетия, вступил во владение несметных богатств отца и, перебравшись на житье в один из наследственных замков, принялся усердно за травлю лисиц.

Милорд стрелял превосходно, сидел на лошади с вытянутыми вперед ногами, обедал в восемь часов вечера, переменял перчатки

шесть раз в день, а для приема школьного учителя надевал белый галстух. Первым пробуждением сердца обязан был милорд оперной танцовщице, которую привез из Лондона в свое поместье и для которой накупил немалое количество серебра, фарфора и проч. Пробыв в замке две недели, танцовщица уложила серебро, фарфор и прочее в сундуки и увезла с собою обратно в Лондон, вследствие чего возненавидел милорд весь женский пол.

Десять лет прошло с той поры для милорда как один день с завтраком, обедом, ужином, сном и лисьею травлей. Целые десять лет израсходовал этот человек в четырех стенах замка и, вероятно, израсходовал бы более одним и тем же способом, если бы неожиданное обстоятельство не дало жизни его другого оборота.

Меньшой брат милорда, схоронив в Париже своих родителей, вдруг явился к нему в замок, и явился налегке, то есть не имея в кармане ни одного сантима; зато природа наделила его прекрасною наружностью, веселым характером, остроумием, ловкостью, и был молодой маркиз одиннадцатью годами моло-

же своего брата.

Появление маркиза сбило совершенно с толку милорда. Не решаясь радоваться, он сделался задумчив и рассеян; но мало-помалу живой ум меньшого брата поколебал чугунную природу старшего и, несмотря на права, данные ему рождением, милорд сделался вторым лицом в своем собственном доме и покорнейшим слугою маркиза; влияние маркиза отразилось не только на особе милорда, но и на всех предметах, его окружавших.

Ворота замка отворились настежь для соседей и путешественников; по заглохшему парку пробежали тысячи дорожек; столы гостиных покрылись грудой кипсеков и журналов, роскошнейших изданий парижских; на хорах залы загремел выписанный из Германии оркестр, а за обеденным столом вместо обычного портера заискрилось в богемском хрустале шипучее клико и изумрудный иоганнисберг.

Маркиз заставил милорда понять, что для жизни порядочных людей недостаточно общество школьного учителя, а для белых галстухов и перчаток потребны черные и голу-

бые глаза красавиц, букеты душистых цветов и запах ess-bouquet,[13] не знакомый обонянию школьного учителя, и что присутствие хорошеньких женщин в замке не делает его мрачнее.

Милорд вспомнил о танцовщице, нахмурив брови, и хотел было возражать, но приглашения на бал уже были разосланы по соседям, и с появлением маркиза в британских болотах отыскалось множество родственных замков с значительным количеством белокурых кузин, свеженьких, молоденьких, обществу которых в течение десяти лет милорд предпочитал лисиц своего парка.

Первый бал был блистателен и весел, несмотря на бесконечную шею милорда, туго обернутую в белую повязку, несмотря на острый подбородок его, осененный треугольным воротничком, несмотря на неуклюжие глиссады длинных ног его и странные приемы. Сам он был вне себя от восторга: гости провели в замке несколько суток и протанцевали несколько ночей сряду.

Когда же последняя карета выехала из ворот, юный маркиз задумался, а на лбу у ми-

лорда обозначилась новая выразительная морщина; причиною задумчивости меньшего брата и появления морщины на лбу старшего была одна из белокурых кузин, мисс Бетси, девушка шестнадцати лет, единственная дочь леди Кромворд, ближайшей соседки милорда.

После обеда, до которого, впрочем, ни один из братьев не притрогивался, маркиз объявил милорду, что поедет на следующее утро в замок Кромворд.

– И я! – отвечал милорд.

– Если завтра, – прибавил маркиз, – миледи откажет мне в руке Бетси, я оставляю Англию и еду в Париж.

– И я! – отвечал милорд, и оба брата пошли спать. У милорда было пять замков – у маркиза были одни долги. О том и другом знала леди Кромворд, и на следующий вечер дорожная карета мчала маркиза по дороге в Соттемpton; а милорд в белом галстуке молча просидел до полуночи между леди Кромворд и невестою своею, мисс Бетси, и просидел милорд под углом девяноста градусов. Брачный бал милорда был роскошен, но не весел; на

второй бал, данный милордом, прибыло половинное число гостей, а на третий явился один школьный учитель. Милорд нахмурился; миледи стала зевать.

На новое поприще свое вступила юная леди, как вступают на новый паркет – без горя и тревог; шестнадцатилетнее сердце ее не постигло еще ни волнений жизни, ни бурных страстей. Мать мисс Бетси сказала ей, что брак с милордом делает им большую честь и счастье, и мисс Бетси вышла за милорда. На мисс Бетси надели чепец, и мисс Бетси стала ходить в чепце; мисс Бетси посадили в карету и привезли в замок милорда; мисс Бетси вышла из кареты и стала жить в замке милорда; наконец, мать строго приказала дочери без малейшего прекословия исполнять желания милорда, и белокурая мисс Бетси беспрекословно подчинялась воле милорда; вследствие чего и приказал милорд прикупить серебра, фарфора и прочего; а как мисс Бетси ни фарфора, ни серебра, ни прочего из замка не вывозила, то милорд перестал ненавидеть женщин. Благополучие милорда должно было казаться ему совершенным; может быть,

оно и показалось бы ему таковым без частых воспоминаний о том времени, которое провел маркиз в его замке; и чем длиннее становились вечера, тем длиннее становилось лицо милорда; чем чаще посещал замок школьный учитель, тем живее, тем чаще представлялись воображению милорда живое остроумие и любезность маркиза; куда бы ни взглянул милорд – все то же и вечно то же: и стулья те же, и те же столы, и те же ничего не говорящие уста миледи, и те же ничего не говорящие глаза миледи. Милорд перестал есть.

Прошло полгода, с ним прошла любовь милорда, с нею прошла у милорда охота скрывать более тоску свою; вследствие чего, сидя однажды за чаем, до которого касалась одна белокурая миледи, супруг обратился к ней с вопросом: знает ли она, отчего и почему маркиз оставил замок и Англию?

– Нет, не знаю, – равнодушно отвечала миледи, докушивая кусок кренделя.

– Оттого, – продолжал милорд, – что брат имел глупость влюбиться.

– А! – сказала миледи, продолжая жевать.

– И знаешь ли в кого? – спросил милорд.

– Нет.

– В тебя.

– А! – сказала миледи и перестала жевать.

Оба встали из-за стола и разошлись по своим комнатам.

В тот же вечер один из грумов милорда мчался как сумасшедший на кровном скакуне по соттемptonской дороге. Прискакав к морю, грум соскочил с лошади и вручил капитану отплывавшего парохода письмо, адресованное на имя маркиза в Париж; а заключало в себе это письмо приглашение возвратиться в Англию и в замок милорда. В ожидании брата милорд принялся за пищу и стал спать. В ожидании маркиза миледи не касалась пищи, и сон ее стал и тревожен, и слаб.

– Но скоро ли он возвратится? – повторял с нетерпением милорд. То же думала миледи, и оба страдали.

В десятый раз по отплытии парохода, капитану которого вручил грум письмо к маркизу, скрылось солнце за туманным британским горизонтом, как вдруг на дворе замка раздался стук колес, и милорд бросился к окну.

– Брат! – закричал он.

– Louis! – шепнула миледи.

Пока старший брат с доступною чугунным вещам нежностью прикладывал щеки свои к щекам меньшого брата, миледи приготовилась принять приезжего с улыбкой на устах, которую должны были заметить все, и с сильным биением сердца, которого не должен был заметить никто.

Обрадованный приездом маркиза, милорд хохотал прегромко, рассказывая жене, как маркиз в один день с ним просил у матери руки миледи, в какое отчаяние поверг отказ бедного брата и проч. и проч.

Маркиз не смел еще взглянуть на миледи, но за обедом глаза их встретились в первый раз – и миледи вспыхнула.

Во время прогулки маркиз предложил руку свою миледи: он был любезен и весел. За чаем проглотил милорд половину кабаньей головы с трюфелями.

Прошла неделя – и вновь оживленный присутствием маркиза замок помолодел целым столетием; праздникам, прогулкам и прочим удовольствиям не было конца.

Благодеяние милорда отравлялось одним только обстоятельством, которое, впрочем, благоразумный и предусмотрительный супруг белокурой леди Бетси нашел средство отвратить. Отрава благодеяния милорда состояла в том, что каждый раз, как лисица, преследуемая собаками, направлялась на милорда, громкий разговор маркиза и миледи заставлял зверя принимать другое направление; уничтожил милорд это неудобство тем, что просил жену свою и брата выбрать для прогулок своих другие части парка.

Не знаю, чем бы кончились охоты и прогулки, если б в один из пасмурных осенних вечеров грум милорда не подал ему письма с гербом маркиза.

Милорд пробежал адрес и молча возвратил письмо груму.

Грум не двигался, не подымал рук и продолжал смотреть на господина своего с любопытством.

– Что ж ты стоишь? – спросил милорд. – Письмо адресовано жене, отнеси его.

– И только? – спросил грум.

– И только, – отвечал милорд.

Грум улыбнулся.

– Ну, что ж ты? – повторил милорд с нетерпением.

– А вот что, – отвечал грум, – маркиз дал мне пять гиней за то, чтоб я вручил это письмо миледи, которая, как вам известно, не выходила три дня из своей комнаты; а может быть, милорд даст мне втрое за то, чтоб я не вручал письма, и тогда у меня будет пятнадцать гиней вместо пяти – значит, втрое!

Милорд взял письмо из рук грума, которому немедленно вручил требуемую сумму; тем и кончилась встреча слуги с господином.

Все-таки за чайным столом в час общего собрания семейства милорд при маркизе передал Бетси уже распечатанное письмо младшего брата. Глаза супруга не выражали ни удивления, ни гнева, и чай этот ничем не отличался от всех предыдущих чаев.

Когда миледи ушла в свою комнату, маркиз пригласил милорда пройтись по парку, на что старший брат изъявил согласие и последовал за младшим с видом совершенного равнодушия.

– Милорд! вы прочли письмо мое к Бет-

си? – спросил дрожащим от волнения голосом маркиз.

– Прочел, – хладнокровно отвечал милорд, – и помню его содержание: вы говорите в нем о страсти вашей к Бетси; вы говорите, что убеждены во взаимности миледи и заключаете письмо тем, что заплатили бы всю жизнь за счастье быть ее мужем. Из этого заключил я, что леди Бетси не изменила своим обязанностям.

– Поступок мой заставляет меня краснеть пред вами, милорд, – проговорил маркиз в большом смущении.

– То есть бледнеть, хотите вы сказать.

Маркиз не нашелся что отвечать милорду, который, идя с ним рядом, насвистывал одну из своих любимых песен.

После долгого молчания младший брат предложил старшему всякого рода удовлетворение и... пустился путешествовать инкогнито.

Милорд отправил верного грума своего с приказом следить втайне за младшим братом, не отставать от него ни на шаг, снабдив притом расторопного слугу полномочным ко-

шельком, набитым гинеями.

На одном пароходе с маркизом грум переплыл Ла-Манш, проехал всю Францию и уже из Висбадена написал к милорду, что маркиз благополучно прибыл в этот город и намеревается пить воды...

Спокойно и весело сидел однажды маркиз в прекрасном саду, принадлежавшем к воксалу Висбадена, и рассеянно смотрел на кривлянье бесшерстной обезьяны, танцевавшей польку под звук гитары фигляра.

– Какое отвратительное животное! – заметил маркиз, обращаясь к сидевшему подле него господину, – и как похоже это животное на человека!

– Nonsense,[14] – отвечал кто-то позади маркиза, и так громко, что все окружавшее его общество обратилось в ту сторону, откуда раздалось восклицание.

Маркиз вздрогнул.

– Nonsense! – повторил тот же голос. Маркиз оглянулся.

– I tell you that is nonsense;[15] человек бывает отвратительнее обезьяны, – прибавил вполголоса милорд, ибо голос, произносив-

ший слово «nonsense» был голос милорда; последние слова, слышал один маркиз.

Оба встали со своих мест и вышли из сада в сопровождении нескольких посторонних лиц, которые тотчас же предложили свои услуги маркизу.

Дуэль – вещь слишком обыкновенная в Висбадене, и в городе этом находится во всякое время немалое число людей, извлекающих из безнаказанности дуэли тысячи личных выгод; некоторые из подобных аферистов, уверенные в своем искусстве владеть всевозможным оружием, не только охотно принимают вызовы, но употребляют все средства, чтоб побудить других к подобным вызовам, и, пользуясь неопытностью молодежи, мировыми сделками выжимают из противников или деньги, или по крайней мере ужин с бутылкою шампанского; другие предлагают себя в секунданты, и, примиряя соперников, пользуются теми же выгодами, как и первые. К числу последних принадлежали и те господа, которые предложили услуги свои маркизу, а слово «nonsense», слышанное ими, не оставляло в уме их никакого сомнения об ис-

тинных намерениях как милорда, так и маркиза, шедших хотя рядом, но молча и с выражением лиц очень неприязненным. У выхода из публичного сада маркиз обратился к милорду с вопросом: «Чего он от него требует?»

– Жизни, – отвечал милорд.

– Rien que cela![16] – воскликнул, смеясь, один из следовавших за ними господ.

– Это, должно быть, англичанин, – заметил другой с предлинными бурными усами.

– Оружие ваше, милорд, – сказал маркиз, догадавшийся, конечно, что требование брата основывается не на одном различии мнений касательно сходства обезьяны с человеком.

– Пистолеты! – отвечал англичанин.

– Расстояние?

– Не нужно.

– Quant a cela, milord, vous poussez la nationalitй un peu, trop loin et je suis le premier a m'y opposer,[17] – воскликнул тот же господин, который сделал первое замечание.

– Vous m'emprchez,[18] – сказал милорд.

– Monsieur![19]

– Chaurrai le grand blaisir de tuer vous apris; chй n'aime pas les franzais; tout les franzais sont

les plagueurs.[20]

Высказав эту речь, по-видимому, все, что он имел сказать докучному свидетелю, милорд обратился к маркизу с окончательным предложением, которое состояло в том, что милорд желает убить его непременно, и чем скорее, тем лучше; что касается до расстояния, то милорд определил его от одного шага до пятнадцати, никак не далее, и заключил тем, что не уверен, раздавит ли он пулею комара на двадцати шагах, и потому не может допустить большего отдаления.

Маркиз понимал, что смягчить условие милорда было делом невозможным, согласился на все, и местом поединка назначен был берег Рейна, а часом свидания – восход солнца следующего утра.

Противники раскланялись друг другу и разошлись в разные стороны.

Господин с бурными усами приглашен был в секунданты маркизом, а милорд выбрал словоохотливого француза.

– *Diable d'homme!*[21] – проговорил вслед уходившему милорду француз, пожимая плечами.

Маркиз был уверен, что настоящий вечер был его последним вечером, и решился провести его весело, но, к несчастью, кошелек маркиза заключал в себе только пять золотых монет; молодой человек вспомнил о рулетке и отправился в воксал.

Менее чем в пять минут из пяти золотых монет маркиза осталась в кошельке его только одна; он бросил последнюю на игорный стол и отошел в сторону; последняя монета ушла тотчас же за первыми. Маркиз вздохнул и хотел выйти из зала.

– Куда? – спросил у него кто-то.

– Милорд! – воскликнул маркиз.

– Я.

– Вы играли?

– Нет, не люблю, а вы?

– Я люблю и проиграл все.

– Нужны деньги?

– Нет, – отвечал маркиз, проходя мимо милорда.

В полночь маркиз возвратился на свою квартиру; в прихожей сидел грум милорда.

– Зачем ты здесь? – спросил удивленный маркиз.

– Я с милордом.

– Как с милордом?

– Милорд остановился у вас.

И действительно, в спальне своей нашел маркиз спавшего на диване англичанина; у изголовья его на столике стоял отворенный ларец: в нем находилась пара превосходных пистолетов.

– Тут пахнет порохом, – сказал вполголоса своему камердинеру маркиз.

– Милорд выстрелил четыре раза в стену, – отвечал камердинер, указывая на небольшое отверстие, сделанное в притолоке дверей.

– Пуля?

– Четыре, маркиз.

– Где же остальные три?

– Все тут.

– Одна на одной?

– Одна на одной, – повторил камердинер.

Маркиз разделся и лег в постель, приказав разбудить себя с рассветом.

Милорд спал как убитый, а сон маркиза был не тревожен потому только, что маркиз не смыкал глаз во всю ночь и думал. Он был не трус; но при мысли о верной и неизбеж-

ной смерти сердце двадцатипятилетнего молодого человека, если он только не англичанин, не может биться ровно и спокойно, и маркиз провел эту ночь, придумывая средство избежать пули своего противника или по крайней мере отсрочить по возможности роковую минуту смертельного поединка. Убить милорда он решительно не желал, перебить милорду правую руку не послужило бы ни к чему: милорд левой стрелял лучше самых искусных стрелков. «Что делать?» – думал маркиз, а ночь проходила, восток алел, алел, и с первым лучом восходящего солнца гром разбудил своего господина.

Милорд открыл глаза, потянулся, зевнул и, поздоровавшись с маркизом, встал с постели, присел к столу и начал бриться. Маркиз с своей стороны тоже занялся туалетом, и чрез полчаса оба поместились в одну и ту же карету и отправились к назначенному месту. Дорогою милорд передал маркизу запечатанный пакет.

- Что это? – спросил маркиз.
- Векселя и расписки.
- Чьи, милорд?

– Ваши; я дал вам когда-то слово выкупить их: по ним уплачено.

Маркиз поблагодарил брата и положил пакет в карман.

– Посмотрите, все ли, – сказал милорд.

– К чему?

– Вы могли позабыть.

– Вспоминать поздно.

– Как хотите!

Новое продолжительное молчание последовало за минутным разговором двух соперников, и скоро в туманной дали блеснула серебристая полоса Рейна, и на ней резко отделились две неподвижные человеческие фигуры – то были секунданты.

Появление соперников в одной и той же карете очень обрадовало как француза, так и господина с бурными усами. Француз со шляпою в руке и даже улыбаясь поздравил милорда с благополучным окончанием вздорной ссоры и потом распространился об убийственных последствиях ничтожного недоразумения, об обязанностях благородных людей быть снисходительными к вспыльчивости опрометчивых, но все-таки благородных лю-

дей, о счастье присутствовать при примирении враждующих и пр. и пр.

– *Сhй bon*, [22] – сказал милорд, когда француз окончил свою речь и, отвернувшись от него, принялся отмеривать три шага; потом, вынув из кармана два небольшие колышка, он воткнул их в оконечности отмеренной дистанции и, отойдя еще пять шагов, остановился и начал взводить курок. Маркиз, следивший взглядом за всеми движениями брата, делал с своей стороны то же, что и тот, и когда первый взвел курок, маркиз стоял уже на своем месте.

– *Avancez*, [23] – сказал милорд. Противники начали сходитьсь.

– *Mais c'est pour tout de bon qu'ils se battent!* [24] – воскликнул француз, секундант милорда.

– Таковы-то все они, эти проклятые англичане! – заметили бурые усы, и в этот миг пистолет маркиза приподнялся: сам маркиз остановился и выстрелил.

– *Mançуй!* [25] – воскликнул француз.

Милорд спокойно приблизился к самому барьеру и сделал знак маркизу подойти бли-

же, то есть на расстояние трех шагов.

Маркиз передал разряженный пистолет свой господину с бурыми усами, пожал ему руку и не подошел, а подбежал к колышку, на который указал противник.

– Имеете ли мне сказать что-нибудь? – спросил старший брат, обращаясь к младшему.

– Имею, – отвечал маркиз.

– Говорите.

– Дайте предварительно слово выполнить просьбу мою, милорд.

– Предсмертную? даю.

Милорд просил секундантов отойти в сторону.

– Брат, – сказал с чувством маркиз, – я поступил дурно.

– И вы умрете!

– Знаю, и умру с радостью; но если б от вас, милорд, зависело усладить последние минуты мои, сделали ли бы вы это?

– Сделал бы, – отвечал милорд.

– Даете честное слово?

– Даю.

– Милорд! – продолжал маркиз с чув-

ством, – когда дуло вашего пистолета направится на меня, не думайте о той отвратительной обезьяне, которую видели мы вчера; а думая о ней, не стреляйте!

– Но я и позабыл об этом животном, – отвечал милорд.

– Тем лучше, потому что сдержать честное слово вам будет легко.

– Но мне и в голову не приходила обезьяна; я и не думаю об обезьяне.

– Еще раз тем лучше, милорд, – сказал маркиз, – я покоен теперь и готов умереть. Стреляйте.

– Обезьяна! думать об обезьяне? зачем мне думать об обезьяне? – говорил англичанин; осматривая дуло пистолета.

– Я готов, – повторил маркиз.

– Извините, – сказал милорд и стал целиться... Он десять раз поднимал оружие и десять раз опускал его, произнося тысячи проклятий.

Наконец секунданты, не слышавшие ни просьбы маркиза, ни честного слова, данного милордом, и не знавшие, чему приписать медленность англичанина, стали терять тер-

пение и наговорили ему преколкие вещи. Но, не обращая никакого внимания на присутствовавших, милорд бил себя по лбу кулаком, кусал пальцы до крови и употреблял все усилия ума своего, чтоб направить его на какой-нибудь другой предмет – но все напрасно: едва начинал он целиться, как голая обезьяна появлялась снова пред его глазами, и нетерпение милорда превращалось в бешенство. Сделав последнее усилие и все-таки подумав об обезьяне, милорд бросил пистолет и бежал с места поединка.

Три раза в течение десяти лет отыскивал милорд маркиза, платил за него долги и, целясь, вспоминал обезьяну.»

– Что же сделалось с миледи? – спросил я Крозеля.

– С миледи? – повторил он.

– Ну да, женою милорда?

– Поверите ли, что мне и в голову не пришло спросить о ней!

– Может ли быть?

– Клянусь вам, – сказал Крозель, смеясь, – но если это вас интересует, я сию минуту... – И с последним словом француз схватил шля-

пу и, не слушая меня, пустился бегом с лестницы.

Через час времени Доминик вручил мне письмо; я взглянул на адрес – почерк незнакомый, читаю: «Миледи, благодаря бога, здравствует».

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые рассказ был опубликован в 1852 году в журнале «Отечественные записки» (№ 2).

Е. Н. Эдельсон отметил «очень живой и легкий слог» «Туриста» (Москвитянин, 1852, № 5, отд. 5, с. 34). Эту же похвалу повторил В. Р. Зотов, по мнению которого, однако, рассказ растянут ненужными подробностями (см.: Пантеон, 1852, № 3, отд. 8, с. 6).

С. 396. *Артист* – здесь: художник, живописец.

Корсо – центральная улица Рима.

Лаурино – улица в центральной части Рима.

С. 397. *Политехническая школа* – привилегированное высшее учебное заведение во Франции.

...*покуда не прибыл какой-то inspecteur des hautes écoles...* – Прибывший инспектор, очевидно, потребовал у Крозеля свидетельство о сдаче специального экзамена на звание домашнего учителя, введенного в 1834 г.

С. 398. *Талль Франц Иосиф* (1758–1828) – ав-

стрийский врач, основатель френологии – учения, согласно которому внешнее строение черепа отражает особенности интеллекта и психики человека.

Монте-Пиннчи – холм на северной окраине Рима, с разбитым на его вершине парком.

Вилла Боргезе – парк на северной окраине Рима.

Храм Петра – см. прим. к с. 251.

Дворец Монте-Кавалло – имеется в виду Квиринальский дворец, бывший в описываемое время летней резиденцией папы.

Колонна Адриана – вероятно, имеется в виду увенчанный столбом с фигурой ангела мавзоль римского императора Адриана (76–138 н. э.) и его потомков (другое название: замок св. Ангела). Может быть, впрочем, писатель оговорился, имея в виду колонну римского императора Траяна (53–117), воздвигнутую около 114 года.

С. 399. *Квириты* – так в древности именовались полноправные римские граждане.

Фактор – профессиональный исполнитель разнообразных мелких поручений (ср. прим. к с. 228).

Испанская площадь расположена в северной части Рима. Здесь «и в прилегающих к ней улицах гнездятся приезжие иностранцы» (Греч. Н. И. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии, т. 3, СПб., 1843, с. 21).

Висбаден – крупный немецкий курорт.

С. 401. *Монте-Мария* (правильнее: Марио) – возвышенность в северо-западной части Рима (от Монте Пинчио – на другом берегу Тибра).

Фуляр – легкая и мягкая шелковая ткань.

Карлино (карлин) – монета, равная 40,2 копейки серебром.

С. 402. *Сребреник* – древняя мелкая серебряная монета.

Жуковский табак – изготовленный на петербургской табачной фабрике В. Г. Жукова.

С. 405. *A la mal content* – особая короткая стрижка (так стриглись члены партии «недовольных» во время религиозных войн во Франции XVI в.).

С. 407. *Чирварский* (правильнее: Черварский) *праздник* – «праздник художников» («Festa deg li Artisti»), проводившийся в Черварских пещерах (пещеры искусственного

происхождения неподалеку от Рима).

С. 408. *Сахарная бумага* – плотная, обычно синяя, бумага для упаковки сахара.

...на...бале большой парижской оперы... – Описание маскарада в «Гранд-опера» см. на первых страницах романа «Блеск и нищета куртизанок» (Бальзак О. де. Собр. соч. в 24 томах, т. 10, М., 1960, с. 5–22).

С. 410. *Плумпуддинг* – традиционное английское блюдо (правильнее: плампуддинг).

С. 411. *Кипсек* – см. прим. к с. 251.

Клико – сорт шампанского.

Иоганнисберг – рейнское вино «Schloss-Johannisberger».

Глиссады – здесь: скользящие па.

С. 412. *Сотгемптон* (Саутхемптон) – английский город-порт, на берегу разделяющего Англию и Францию пролива Ла-Манш.

А. Ильин-Томич

Примечания

«Русский художник» (ит.).

[^^^]

2

Это натурщица, синьор (ит.).

[^^^]

3

дорогой господин Давид (фр.).

[^^^]

4

Мсье Давид, смажьте колеса вашего экипажа
и катите-ка... (фр.)

[^^^]

говор, наречие (фр.).

[^^^]

6

в Екатеринославе... три целковых за урок...
(фр.)

[^^^]

инспектор высших учебных заведений (фр.).

[^^^]

8

ничего неделанье, безделье (ит.).

[^^^]

кафе «Европейское» (фр.).

[^^^]

на манер «недовольного» (фр.).

[^^^]

Над вами, над костюмом, очень хорошо
(очень искаж. ит.).

[^^^]

чистокровной (фр.).

[^^^]

цветочной эссенции (фр.).

[^^^]

Вздор! (англ.)

[^^^]

Говорю вам, это вздор (англ.).

[^^^]

Только и всего! (фр.)

[^^^]

Ну здесь уж, милорд, вы злоупотребляете своими национальными качествами, и я первый буду возражать (фр.).

[^^^]

Вы мне мешаете (фр.).

[^^^]

Msъe! (фр.)

[^^^]

Я с большим удовольствием убью вас немного позже! я не люблю французов; все французы хвастуны (искаж. фр.).

[^^^]

Настоящий дьявол! (фр.)

[^^^]

Хорошо (искаж. фр).

[^^^]

Подходите (фр.).

[^^^]

Но они и впрямь стреляются! (фр.)

[^^^]

Мимо! (*фр.*)

[^^^]